

Александр Йорген Воронцов.
Мыслёныши

ХРУПКИЙ МИР ТИШИНЫ

*иногда, одно доброе сердце –
единственное, что защищает от боли...*

18+

Александр Воронцов

МыслЁныши

<https://litres.ru/51849982>

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-06906-0

Аннотация

Это разные мысли на одну и ту же тему: одиночество, место Человека в окружающем его Мире, Свобода и Смерть, Любовь и Ненависть... А если одним словом – хрупкость нашего внутреннего мира и процессы, которые происходят внутри него. Особенно когда наш внутренний мир соприкасается с внешним. Вот я и рискнул соприкоснуться...

Многие спросят, почему «Мыслёныши»?

Самые первые мысли, рождающиеся в нашей голове, так сказать, новорожденные мысли – они только потом оформляются в виде идей, решений, задач. А вначале, как каждый новорожденный младенец, это еще несмышлёныши. Но они же – такие чистые и светлые, хрупкие и ранимые. А порой – даже жестокие, как все маленькие дети, которые могут оторвать крылья бабочке или нагрубить родителям – потому что еще не понимают всего, не отдают отчет своим поступкам.

Это разные мысли на одну и ту же тему: одиночество, место Человека в окружающем его Мире, Свобода и Смерть, Любовь и Ненависть... А если одним словом – хрупкость нашего внутреннего мира и процессы, которые происходят внутри него. Особенно когда наш внутренний мир соприкасается с внешним.

Вот я и рискнул соприкоснуться...

Всем нам суждено когда-то упасть... Всем... Кто-то – раньше, кто-то – позже... Одни поднимаются и идут дальше. Даже, если разбились насмерть. Другие остаются лежать там, куда упали. И уже никуда не идут. Просто плывут... по течению.

Но есть и такие, которые падают всю жизнь. И это бесконечное падение можно назвать полетом! Ведь, в сущности, человек может ощутить всю радость полета только в состоя-

нии свободного падения. Свободного ПАДЕНИЯ! И ничего, что потом мозги всмятку, а тело – в лепешку. Это будет потом. А сейчас – 10 тысяч метров падения, 10 тысяч метров полета, 10 тысяч метров свободы! А вокруг – только небо. И птицы...

Мы остановились на краю пропасти, в которой нет дна. И края тоже нет, то есть – нет и места, где бы мы могли остановиться... держаться за воздух нас заставляет порой не радость полета, а страх все-таки увидеть конец бесконечности. Даже если там – наши разбитые души. С болью лучше умирать, чем жить, забыв о боли. Всем нам суждено когда-то испытать боль... Всем...

Я с детства хотел поговорить с Богом... Мне бабушка все время говорила: «Вот Боженька услышит, как ты не слушаешься, вот он увидит, как ты капризничаешь – он тебя накажет. Он все видит...»

И я все время хотел убедиться в том, как же Бог увидит... ведь я часто совершал какие-то проступки тайно, например, таскал у бабушки из шкафчика конфеты, а она не замечала... Я боялся, что Боженька увидит и зажмуривал глаза, когда брал конфеты из вазы – почему-то мне казалось, что если я не вижу, то и он тоже не видит. Видимо, поэтому он меня и не наказывал за этот проступок...

Но еще я потому хотел поговорить с Богом, чтобы объяснить Боженьке, что я маленький, что мне хочется побегать, поиграть с папой и с мамой, а они поздно приходят с работы и сразу уткнуться в свой телевизор... а со мной поиграют 5 минут и все. А бабушка старенькая, она не может со мной в прятки или в чик-чирик-я-в-домике играть. И я бы попросил Боженьку, чтобы он моим папе и маме сказал, чтобы они со мной игрались.

Но вот я не знал, где можно поговорить с Богом. Бабушка однажды меня привела в церковь, она сказала, что там можно с Богом поговорить, что все люди туда приходят с Богом разговаривать. Я пришел в церковь с бабушкой, но люди там не разговаривали ни с кем, а протяжно и заунывно что-то пели. А я слов этой песни не знал, и она была какая-то грустная и некрасивая. Я попробовал петь «Антошка, Антошка, пойдем копать картошку», но бабушка почему-то на меня рассердилась. А потом она ставила свечи, крестила лоб, собрав пальцы в пучок, а я стоял, стоял... у меня заболели ноги, и я устал сильно. Поэтому снова стал капризничать. А бабушка сказала, что Боженька все это увидел.

Я же смог увидеть его только нарисованным на стенах и картинках.

Я не мог долго стоять, у меня болели ножки, а сесть бы-

ло некуда и нельзя. А еще в церкви было холодно и сыро, я совсем замерз и в конце концов захотел писять. А это тоже было нельзя, бабушка сердито шикала на меня и продолжала креститься и кланяться кому-то...

И я уписался.

Я не знал, как к этому отнесется Бог, наверное, он рассердился. А вот бабушка сильно рассердилась и сказала, что больше меня в церковь не возьмет никогда.

Я еще несколько раз пытался поговорить с Богом. Мне как-то наш сосед дядя Петя сказал, что с Богом можно говорить, где угодно, но слышит он только тех, кто живет праведно. Когда я спросил – что такое жить праведно, он сказал, что это те, кто слушается папу с мамой, не пьет, не курит, совершает добрые дела и молится Богу.

А сам дядя Петя свою маму – бабушку Наташу – не слушался: она просила его съездить на дачу за какой-то рассадой, а дядя Петя сказал, что бензин дорогой и бабушка без рассады не умрет. Мне было жалко бабушку Наташу, и я боялся, что вдруг она все-таки умрет без рассады.

Когда через месяц мы все хоронили бабушку Наташу, я плакал и ругался на дядю Петю. А когда были поминки, и дядя Петя напился и уснул, я облил его водой за бабушку

Наташу. И, наверное, я вел себя несправедливо, потому что я просил Бога много раз про разные вещи, но он меня не слышал. И я смирился с этим.

Я подумал – наверное, мне надо подрасти.

Когда я подрос, я узнал, что Бог не один, что их много. Правда, некоторые говорили, что Бог все-таки один, только у него много имен: Аллах, Будда, Христос, Кришна, Рама, а еще есть Дева Мария, пророк Магомед и множество всяких святых, с которыми тоже можно говорить. **Но я хотел поговорить с Богом**, у меня накопились к нему важные вопросы.

Поэтому я стал искать место, где он меня мог бы услышать.

В церковь я уже ходить не боялся, но православные священники, на мой взгляд, имели к Богу такое же отношение, как и мой сосед дядя Петя. Они скорее напоминали эдаких бизнесменов или менеджеров по продаже Бога населению. Причем, оптом. Причем, в буквальном смысле слова – в церковных лавках можно было купить молитвы от святого Луки, какие-то мощи, книги, свечки, а еще можно было за небольшие деньги заказать всякие блага – отпевание, молитвы, даже искупление грехов.

Когда я спросил батюшку, может ли он отпустить мне грехи по безналу, он не рассердился, а написал мне на бумажке

счет.

Больше я в церковь не ходил.

Я пытался встретиться с Богом в кришнаитской общине, но кроме бесконечной песни, которая состояла только из трех слов «Харе, Кришна» и «Харе Рама» я ничего не услышал. И однажды, когда мы ехали в кузове автомобиля, и машину занесло над обрывом и тряхнуло, оба моих спутника-кришнаита в этот момент, когда мы думали, что рухнем вниз, непроизвольно вскрикнули: «О, Господи!».

Больше я к ним не ходил.

Не смог я поговорить и с Аллахом – там тоже все время пел муэдзин и разговаривал мулла, а мне надо было кланяться и кланяться. А еще я не понимал, почему свинья – грязное животное, а корова – чистое? Видимо, пророк Мухаммед никогда не чистил коровник? И это еще вопрос, где чище – в коровнике или в свинарнике.

В общем, у мусульман было так много намазов, молитв, ограничений и правил, что за всем этим нормально поговорить с Богом было просто нереально.

С Буддой мне тоже как-то не повезло.

Правда, в попытках познать Будду я 14 лет прозанимался каратэ и даже получил черный пояс. Я многому научился и, как мне показалось, ближе всего подошел к разговору с

Богом. Но Будда был готов ответить мне только тогда, когда мой дух станет сильнее моего тела.

А мое тело все время этому мешало.

Но как-то так получилось, что все те вопросы, которые я еще в детстве хотел задать Богу, как-то постепенно получали свои ответы. Вернее, ответы как-то сами стали ко мне приходить. Я понял, почему люди умирают, почему плохие люди встречаются чаще, чем хорошие, почему жизнь устроена несправедливо, а главное – я понял, что для того, чтобы тебя кто-то услышал, вовсе не обязательно к кому-то обращаться. И сейчас, когда я, наконец, готов не спрашивать, а отвечать, я подумал – а, может, я все это время разговаривал с Богом?

Наверное, жизнь оценивается количеством благодарностей и молитв, которые произносят люди, для которых ты что-то сделал. Они как бы наполняют наше информационно-энергетическое пространство. Не знаю, на каких весах ТАМ это взвешивается, но лично я стараюсь, чтобы эта чаша перевесила. Нет, не то, чтобы я какой-то план по-стахановски выполнял – я не Тимур и его команда, мне не надо звездочки рисовать. Просто приятно становится, что помог людям. В первую очередь, конечно, своей семье. Своему роду. Но и просто если поможешь какой-то незнакомой бабушке поднести тяжелую сумку к вагону метро – то уже как-то са-

мому приятно, что помог человеку. А, может, приятно потому, что она в этот момент произнесла слова благодарности? Благо Дарила?

И это Благо ко мне пришло?

Недавно проснулся и еле успел ухватить мысль, которая пришла ко мне во сне... Мысль ускользала, но я ее все же поймал. А была она проста – во сне я вдруг понял, что такое сны. А сны – это пробки. Ну, простые такие пробки, которые нужны для того, чтобы не было короткого замыкания. Вернее, когда оно все-таки случится, то перегорают именно пробки, а не телевизоры там или холодильник. Так и мы – сны нужны человеку для того, чтобы не перегорел организм, чтобы душа не сгорела....

Сегодня ехал в метро. Киевское метро, наверное, отличается, например, от московского тем, что здесь люди часто смотрят друг другу в глаза, могут улыбнуться в ответ, иногда заговорят. Хотя, конечно, есть и негативные моменты... А сегодня подошел ко мне дедушка и так искренне улыбаясь, спросил: «Выходите? «Хотя я стоял очень далеко от выхода. Я даже не сразу понял, что дедушка не совсем в норме. Ну, немного сумасшедший такой дедушка. И он ко всем подходил и спрашивал одно и то же – «Выходите?» «Выходите?»

А я долго не мог вспомнить, кого он мне напоминает – эта улыбка, эта попытка заглянуть в глаза...

И вдруг, уже выходя из вагона на своей станции, вспомнил, кого он мне напомнил – моего маленького, полуторагодовалого сына. Он только-только что-то для себя открывает, что-то уже начинает соображать, строит какие-то свои простенькие для нас, но весьма сложные для него вербальные комбинации – как достать со стола вкусняшку, только чтобы родители не заругали, как нашкодничать, но – чтобы это выглядело подвигом. И частенько, когда ему не хватает нашего общения, он точно так же подбегает, умильно заглядывает в глаза и что-то лепечет на своем языке....

Чем-то старики и маленькие дети похожи.

А этот немного сумасшедший старик – он был весь какой-то светлый, чистый, не от мира сего... И совсем не пугал, не раздражал...

Стало немного обидно за себя – почему не ответил?

Всегда наступает тот ответственный момент, когда ты понимаешь – так, как ты раньше жил, ты жить больше не можешь. Причем, когда ты понимаешь это в юности – это половое созревание. На худой конец – взросление. Но когда в зрелом возрасте ты понимаешь, что тебе не по пути с теми людьми, которые тебя не уважают, не ценят и делают тебе

всякие пакости – это нелегкий выбор. Ну как развод. Пять лет ты прожил с человеком душа в душу, а потом – ррраз – и разбежались, разлаялись. Так и в другом – есть люди, которые тебя окружают, с которыми ты общаешься, имеешь общие интересы, общее дело. А потом вдруг понимаешь, что они таки тебя окружают. И тесное кольцо «друзей» сжимается все теснее и теснее.

И вот тебе уже не хватает воздуха...

И ты понимаешь: если ты останешься в этих тесных объятиях – ты умрешь!

А потом возникает вопрос: а друзья ли это?

Приятели? А разве тебе с ними приятно?

Попутчики? Но разве тебе с ними по пути?

Они смотрят вглубь, ты вверх...

Причем, они смотрят в глубь тебя, в рот, так сказать, заглядывают, но не в смысле – ловят каждое твое слово, а в смысле – ловят тебя на слове. А вот в глубь себя они не смотрят.

Потому что нету там глубины.

Некуда смотреть.

Вот потому всё и всех они меряют по себе. А если ты на каком-то этапе не соответствуешь ИХ представлениям о том, КАКИМ должен быть ТЫ – тогда они готовы распять тебя самым жестоким образом. И твои аргументы о том, что это

все-таки ТВОЯ жизнь не воспринимаются вообще.

Итог закономерен – ты постепенно либо уходишь в себя, либо общаешься только с тем кругом, который не окольцовывает тебя, твое горло. И даже если этот круг вполне может превратиться в нимб над твоей головой – разве это плохо?

Огорчают всякие параллели и обобщения: женщины-мужчины. Хотя у меня вопрос: а знают ли, точнее, а понимают ли Женщины Мужчин? И наоборот? Именно на уровне взаимодействия подвидов и подотрядов. Сумчатых с Перепончатокрылыми, Травоядных с Хищными. Ведь просто психология разная, воспитание...

Хотя, что говорить о воспитании мужчин? Кто нас лечит? В основном, женщины-врачи. В детских садиках воспитывают воспитательНИЦЫ, в школах – учительНИЦЫ. Ну и дома – родительНИЦЫ. Потому что либо семья без отца – неполная, либо папа с утра до вечера на работе. То есть, тоже папа как бы есть, но его как бы нет. Так что, пока в армию не призовут, сплошные женские истории. Откуда же взяться мужеству у будущих мужчин, которых воспитывают женщины?

Вот моя жена с сыном носится, как с писаной торбой – ой, не ударься, ой, не упади, ой, куда полез? А он пацан, ему надо

лезть, падать, прыгать. И получать свои синяки и шишки. На которых он будет САМ учиться.

Учится совершать поступки и отвечать за них.

Совершенно мужское занятие.

И если женщины ЭТОГО не понимают изначально, то потом кому они предъявляют свои претензии? Тем мальчикам, из которых они не смогли вырастить мужчин? Так ведь и не должны были. Потому что если женщина занимается СВОИМ делом, женским – а это ласка, нежность, забота, уют, то мужчина не вырастает задерганным, затюканным, озлобленным и остервенелым. И при этом – не умеющий сдерживать слово, не отвечающий за свои поступки, не понимающий, что такое долг и не могущий защитить в сложной ситуации. Поэтому все, что отличает мужчину от женщины – это умение в нужный момент принять решение и выполнить его. Самостоятельно.

Если бы сегодня были дуэли, то мужское население Земли гораздо больше бы напоминало мужчин. Потому что сегодня естественный отбор прекратился, но его не заменил отбор искусственный. Войны перестали отбраковывать слабых, наоборот, стали гибнуть более сильные, более смелые, более мужественные. Ведь раньше гибли те, кто хуже владел мечом, кто был недостаточно силен в битве. А сейчас на войне

гибнут те, кто первым поднимается в атаку и первым идет на опасное задание. Кто вообще не боится идти на войну. Слабые на войну не идут...

Так что импенно дуэли могли бы улучшить мужскую породу.

Многих хамов пристрелили бы сразу. Ведь хамы обычно могут только хамить, то есть, оскорблять кого-то словесно. А в ответ внезапно будут получать пулю или удар клинком.

В прошлом веке, в переломные 90-е, когда был разгул преступности и безнаказанности, внезапно многие молодые бандюки из спортсменов были перебиты в уличных боях, когда наглость и хамство каралось моментально и навсегда. И очень быстро эти, как их тогда называли, «быки», научились вести себя по-человечески – говорить вежливо и не переть на каждого встречного. Я был свидетелем, когда невзрачный с виду мужичок в ответ на короткое слово, сопровождавшее предложение кое-куда пойти, кивнул двум парням, которые тут же отсекали хама, вывели его за угол и вернулись уже без него. Правда, то была не дуэль...

Тем не менее, решение спора путем смертельной схватки кардинальным образом оживила бы общество, умертвив некоторых его членов.

Была бы очень быстро решена проблема интеллектуаль-

ного воровства. Украл чье-то авторство – стихи, прозу, изобретение, работу – получи вызов на поединок и удовлетвори претензии. Правда, вор может владеть оружием лучше автора, но это уже частности...

А еще дуэли бы могли продемонстрировать не только мужество мужчин, но и женственность женщин. Ведь им так хочется, чтобы мужчины дрались между собой за право обладать ими. Ведь это так романтично!

Представляете – лежит в крови труп, а мы стоим над ним и целуемся...

Романтика!

Я много раз читал в социальных сетях сопливые признания в любви ко всему человечеству. Не впечатляло. Причем, часто, стоило кому-то усомниться в этой вселенской любви – тут же сопливо-слезливый автор превращался в заправское быдло и по-хамски начинал втаптывать в грязь своего оппонента.

Чаще всего, разумеется, выступая анонимно!

Вот я могу смело публично выражать свою точку зрения. Открыто, не скрывая свое лицо, свое имя. Потому что мне не стыдно за свое мнение, и я не боюсь ошибаться. Я честен прежде всего перед самим собой. Это важно – не врать само-

му себе. Поэтому я открыто признаюсь, что я не люблю все человечество. Ведь сколько вокруг нас людей, которые нам неприятны по той или иной причине. Сосед-алкоголик, начальник-дурак, продавец-хам, полицейский-кретин – это все человечество. А ведь есть и еще более неприятные его представители – преступники, наркоманы, серийный и наемные убийцы, маньяки, душевнобольные и так далее. Вы согласны любить их всех?

Я – нет!

Я подаю милостыню нищим старушкам и не подаю старикам.

Я никогда не посылаю деньги на всякие адреса и в фонды.

И когда даже какой-то мой знакомый от чего-то страдает, то если он не принадлежит к кругу близких и любимых моих людей, то пусть решает свои проблемы сам. Даже если проблемы у него очень серьезные.

Потому что поговорка «сегодня ты поможешь ему, а завтра кто-то поможет тебе» – красивая сказочка для легковверных!

Если тебе суждено умереть – умрешь!

«Не просите никого и ни о чем...»

А если ты подыхаешь – задумайся: а может ты сам в этом виноват?

Может, ты сам к этому пришел?

Ножками?

Мыслями?
Поступками?

Я однажды ехал в маршрутке и вдруг, посмотрев на окружающих меня людей, понял – а ведь они уже умерли!... Люди стояли, сидели, у некоторых глаза были закрыты, что усиливало впечатление, но у тех, кто глаза не закрывал, лица были все так же мертвы. Мертвыми были в первую очередь глаза – в них не было жизни, не было мысли, не было ничего. Они были пусты. Они ничего не выражали. Лишь у некоторых в их глазах можно было прочесть какую-то вселенскую тоску – такой взгляд бывает у неизлечимо больных людей, которые знают, что их смерть вот-вот придет за ними...

Было как-то жутко и одновременно интересно смотреть на них, так интересно бывает на кладбище, когда ходишь среди могил, смотришь на фотографии умерших, на даты их рождения и смерти, представляешь себе, какими они были, как жили... Лично меня кладбище всегда притягивали: могилы могли рассказать наблюдательному человеку – а я был с детства наблюдательным мальчиком – они могли рассказать массу интересных историй.

Так же мне было интересно посещать анатомический музей, разглядывать скелеты, мумии, бывшие когда-то людьми,

я смотрел на органы в банках с формалином, рассматривал сердца, почки, легкие, которые раньше наполняли своих владельцев жизнью, и думал о том, как, наверное, на том свете этим людям не хватает из сердец, легких или почек. Ведь, наверное, где-то в загробном мире или в каком-то потустороннем обществе умершие ведь какое-то время находятся? Какое им там знать, что их сердца или почки находятся здесь, в этом музее и их разглядывает какой-то мальчик?

И вот это все я вдруг вспомнил, когда однажды ехал на работу в офис на маршрутке, наполненной таким же офисным планктоном, каким я на тот момент и сам являлся. Я ехал в офис на нелюбимую работу, к ненавидимому мной начальнику, к презираемым мною коллегам и с ощущением, что вызываю у них точно такие же чувства.

Вы знаете, что такое чувствовать себя полным дерьмом?

Именно с таким ощущением иногда просыпаешься после какой-то сильной пьянки.

Сначала запах дерьма... потом приходит понимание, что это запах из твоего рта, а уж потом – как раз вот это ощущение.

На работе оно приходило ко мне постоянно.

И еще ощущение, что жизнь моя заканчивается, как только я переступаю порог своего офиса. На 8 часов, а иногда и больше я умираю, становлюсь неким зомби, тело мое вы-

полняет какие-то абсолютно несвойственные мне функции лишь для того, чтобы в итоге поддержать в нем жизнь! То есть, некий парадокс – каждый день я умираю ради того, чтобы продолжать жить!

И тогда я понял: жизнь офисного работника – это непрерывная смерть!

В этом было что-то такое самурайское, ведь путь самурая – это тоже смерть! Самурай тоже живет ради своего хозяина, в любой момент готового отправить своего вассала на убой. И на самом деле никакие это были не дворяне – самураи были бедными беглыми крестьянами или простыми солдатами, служившими за еду. Самурай в переводе с японского означает «человек, который служит». Вот и я – человек, который служит практически за еду. И еще за аренду своей крохотной гостинки. Вот только ничего героического в этом не было. Каждый день ходить на нелюбимую работу и каждый день умирать там – какое же это геройство? Смерть без цели, смерть ради того, чтобы прожить еще один день и завтра снова умереть. И так без конца...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.